

Эта склонность к постоянным формулам напоминает у нашего автора приемы народного творчества с его традиционной поэтикой, частыми повторениями. К ней же примыкает и отмеченная выше любовь его к поговоркам, к ритмической речи.

VII

Кто же мог соединить резкое осуждение кабака и целовальника, т. е. государственной организации пьянства, сочувствие к пьянице, тонкое знание кабацкого быта и его постоянных посетителей — с таким основательным знанием церковно-богослужебной литературы? Кто мог, отдавши дань традиционным элементам тогдашнего книжного языка, внести такую сильную струю живой народной речи? При отсутствии в 60-х годах XVII в. в Москве правильной духовной школы, такое знание богослужебных книг следует искать в среде, где оно было связано с профессией, т. е. в церковном причте.

Но мы знаем, что духовную среду в древней Руси нельзя рассматривать, как одно целое: высшее и низшее духовенство с самого начала христианства у нас представляли два разных класса. Высшее духовенство до XV в. было вполне феодальной организацией, ничем не отличавшейся по существу от светских феодальных установлений, идеологически примыкало к ним полностью. К XVI в. с ростом московской централизации и церковью, т. е. высшая церковная иерархия становится московско-дворянской. Но и в ту и в другую эпоху низшее духовенство по своему социальному положению было на стороне податных или тяглых сословий, не имело никаких привилегий, которыми в изобилии владело высшее духовенство, но зато несло тяжесть двойных налогов — и от светской и от своей церковной власти. Неудивительно поэтому, что уже с XIV в. нам известны случаи, когда низшее духовенство объединялось с мирянами для борьбы сначала с феодальной, потом с дворянской властью. Социальные моменты несомненно существовали в тех движениях, которые долгое время рассматривались, как исключительно религиозные: начиная с стригольников и кончая так наз. раскольниками, русские «еретики» всегда соединяли борьбу с церковными догматами с протестом против церковной, а следовательно и поддерживающей ее светской власти. Таким образом оппозиционные настроения в младшем духовенстве появились в XVII в. не внезапно: они росли долго на почве его социального положения. К половине XVII в. положение приходского духовенства, этих, по выражению того времени, «тяглых попов», значительно ухудшилось. «Сельский и городской клир лишился той защиты,